

Так как уже наступила ночь, Гуань Би беспокоился, что их господа, не поужинавшие, проснутся голодными, но боялся, что слишком поздний ужин вызовет тяжесть в желудке. Поэтому он и Лин Бао приготовили простую мясную кашу в глиняном горшочке и держали её в тепле. Когда господа спросили, они принесли её.

Когда Сун Цинъи вернулся с кашей, Ци Жуньюнь уже надел нижнюю одежду — хотя на ней было много морщин, которые уже не разглаживались.

— Иди, поешь, — Сун Цинъи поставил горшок и поманил рукой.

Сев, они молча ели кашу. Сун Цинъи не объяснял своих внезапных действий вечером, а Ци Жуньюнь, казалось, и не собирался спрашивать. Сун Цинъи, который думал, как бы объяснить это, был удивлён.

Задав вопрос, он получил неожиданный ответ.

— Ведь это господин, я — супруг Дуаньцзиня, служение... это моя обязанность, — в его словах, под взглядом Сун Цинъи, наконец изменилось обращение, но ответ вызвал у Сун Цинъи досаду. Однако Ци Жуньюнь добавил:

— Но, конечно, дневные утехы не совсем уместны.

Глядя на своего супруга, серьёзно объясняющего ему это, Сун Цинъи, который только что обнаружил, что его супруг легко смущается, был ошеломлён. Это... просто выполнение обязанностей? Только выполнение?

Не зная, как описать свои чувства — досаду или что-то ещё, Сун Цинъи, который только что начал успокаиваться, снова почувствовал себя подавленным.

В последующие дни Сун Цинъи, из-за внутреннего дискомфорта, стал уходить раньше и возвращаться позже, а Ци Жуньюнь, казалось, не замечал его настроения и был даже более занят, чем он сам. Иногда, когда Сун Цинъи возвращался, Ци Жуньюнь ещё не был дома, что только усиливало его подавленность.

В тот день, наблюдая за обжигом руды и цветов с мастером, Сун Цинъи наконец не выдержал и пошёл искать своего супруга. Хотя он из-за своего настроения и занятости уходил рано и возвращался поздно, как мог его супруг быть занятее его, изучая глину? И почему он задерживался так поздно, когда мастера уже уходили отдыхать?

Место, где занимались формованием, было недалеко от печи, где находился Сун Цинъи, но так как оно было у северного склона горы, а печь — у южного, дороги были противоположными, поэтому они редко встречались. К тому же мастера по формованию не ходили далеко, оставаясь в рядах домов у северного склона, и Ци Жуньюнь тоже провёл несколько дней в одном месте.

Найти его было легко. Как только Сун Цинъи вошёл в дом, мастера, уже знавшие, что молодой господин семьи Сун находится в печи, сразу поняли, кто он, по его одежде. Они хотели встать и поклониться, но Сун Цинъи остановил их жестом. Маленький ученик, сопровождавший его, указал путь.

Хотя Ци Жуньюнь и Сун Цинъи пришли учиться, они всё же были господами, и мастера не заставляли их оставаться в грязных условиях. Поэтому место Ци Жуньюня было специально убрано. Хотя оно не было идеально чистым, оно было аккуратным, с материалами,

расставленными по полкам с ярлыками. Посредине стоял большой стол с инструментами для формования, а Ци Жуньюнь сидел за ним, с закатанными рукавами, обнажая тонкие и бледные руки — теперь покрытые влажной глиной и песком — и месил глину, время от времени ощупывая её пальцами и добавляя что-то из корзин с материалами.

Сун Цинъи смотрел на человека, полностью поглощённого своим делом и не заметившего его прихода, и его внутренний дискомфорт сменился вздохом.

Характер Ци Жуньюня он уже успел понять, даже за короткое время. Такой упорный и серьёзный человек, после того как Сун Цинъи устроил скандал перед свадьбой, мог ли дать другой ответ? Наоборот, это он сам должен был задуматься о своих чувствах к такому Ци Жуньюню.

Сначала Сун Цинъи не видел проблемы в своём дискомфорте, но сейчас, спокойно стоя здесь и наблюдая за спиной своего супруга, он внезапно осознал, что его внимание к Ци Жуньюню вышло за рамки первоначального плана быть друзьями и партнёрами, живущими в гармонии. Он не знал, какие чувства испытывает к Ци Жуньюню сейчас. Если сначала он хотел быть просто партнёром, то теперь его настроение уже вышло за эти рамки. Если он влюбился в Ци Жуньюня, Сун Цинъи чувствовал, что в его сердце не было того внезапного трепета при первой встрече, и он не скучал, когда они расставались. Так что же он чувствовал сейчас?

Его беспокойство отразилось на дыхании, и Ци Жуньюнь, чувствуя что-то необычное, инстинктивно обернулся и увидел Сун Цинъи.

— Дуаньцзинь?

Возможно, из-за предыдущего обращения, на этот раз он произнёс имя Сун Цинъи более естественно.

— Ничего, просто пришёл посмотреть, как ты. Как дела? — Собрав свои мысли, Сун Цинъи спокойно подошёл.

— Пробовал разные составы, месил разные глины, чтобы почувствовать их, и сделал несколько форм, хороших и плохих, — продолжая месить глину, Ци Жуньюнь ответил.

Хотя Ци Жуньюнь не оставлял ремесло семьи Ци, в Дворе Сили он имел доступ только к обычным материалам. Хотя господин Сун не запрещал ему заниматься этим, он не мог обеспечить его всем необходимым. Поэтому в печи он впервые получил возможность свободно использовать все материалы и провёл эти дни, изучая их свойства.

Сун Цинъи посмотрел туда, куда указал Ци Жуньюнь, и увидел на полке несколько форм, сухих и влажных. В отличие от глиняных фигур, которые он видел раньше, это были негативные формы — то есть формы для заполнения, а не для украшения.

Видно, что это были пробные работы, формы были не очень аккуратными, но узоры на них были очень детальными. Сун Цинъи взял одну форму и внимательно рассмотрел её. Сложенные вместе половинки формы показывали внутреннюю форму полукруглого предмета, с узором из листьев лотоса. Сун Цинъи предположил, что это форма для чаши или чашки.

— Я тоже изучал материалы, уже почти всё посмотрел. Я сказал старине Чжэну, чтобы завтра он показал мне, как обжигать маленькую вещь. Давай используем твою форму? — Поиграв с почти высохшей формой, Сун Цинъи вдруг предложил.

Ци Жуньюнь удивился. Он думал, что изучение материалов и огня займёт больше времени, а завтра уже будут обжигать. Однако он не возразил, лишь покачал головой, глядя на форму в руках Сун Циньи.

— Эта глина была смешана для тренировки, она не выдержит заполнения и обжига. Я позже сделаю новую.

Сун Циньи, конечно, заметил его удивление, и с лёгкой самоиронией сказал:

— В детстве я был глуп и упустил время для настоящего обучения. Отец знает, что в моём возрасте я смогу изучить только основы, поэтому я здесь ненадолго, чтобы понять процесс и общее ремесло обжига люли. Я могу попробовать, но стать настоящим мастером, способным полностью создать что-то самому, уже сложно. По крайней мере, я могу полагаться только на старины Чжэна в вопросах огня и цвета.

Хотя у него были идеи, и он обсуждал их с тестем, многие детали приходилось наблюдать за другими, ведь мастерство требует времени и опыта.

Услышав это, Ци Жуньюнь нахмурился, но, как и в прошлый раз, не стал спрашивать, а просто продолжил своё дело.

— Я сделаю форму позже, завтра отнесу её в печь.

На следующий день Ци Жуньюнь встал раньше Сун Циньи, и, спросив Лю Гуана, тот узнал, что его супруг ушёл в дом для формования ещё до рассвета.

<http://bllate.org/book/16594/1516525>